

Юрий Григорьевич ГРИГОРОВИЧ

ТОЛЬКО ЗАДНИКИ ПОДВЕЛИ

Лондон обласкал Большой театр. Когда же и наша критика призвет помниться в его кассы?

Хэппи бездей

— Вы не представляете, что делалось в Лондоне на наших балетах, — рассказывали участники гастролей. — Жарнища были, как в Москве, а в театре «Коллизум», как во всех старых театрах Лондона, — нет кондиционеров... Зал на две тысячи мест, а сидеть почти в два раза меньше, чем в Большом. Но мы просто восхитились собственным кордебалетом — казалось, одно изображение нисколько в глазах так же старались. Не говоря уже о солистах.

Максимова с Васильевым записали знакомые. Приходили много фанатов Большого. Приехали из Америки, Франции, Германии те, кто помнит труппу еще с 56-го года. Присутствовали крупный знаток — Дуайт Л. Грелл, известный специалист по арзамовскому балету за рубежом. Одна женщина долго вспоминала Уланову с Фадеевым. В коммюнике рассматривали Никита Лобанов, Наталья Макарова, Суламифь Моссерер. Катя, она сообщила, что собирается писать воспоминания — возможно, издана Большой театр.

Цвета после спектаклей казды на сцену бесконечно. Розы, но большею частью малюсенькие «дизайнерские» букетики ассорти. Сначала из партера, потом цветы посыпались из боковых лож сверху дождом, как в лучшие времена в Москве. (Лучшие — в том смысле, что денег у фанатов было больше, да и преданы они своим кумирам оставались до беспамятства; двадцатью тогда таскали мошканы). После «Дон Кихота» с Ниной Ананиани и Андреем Уваровым сцена была полностью завалена цветами.

В уникальной ситуации оказалась самая молодая солистка Большого Светлана Лункина, чей дебют в «Жизели» поразил лондонцев в Москве даже смелой изюминкой. А ее «Жизель» в Лондоне шла, представляя, в один день с выступлением в этой же партии великой Сильвии Гинем в Королевском балете. «С «Жизелью» у нас то пусто, то густо!» — радовались, впрочем, английские балетоманы. И никому здесь доселе неизвестная Лункина выдержала несложную конюсерскую просто блестяще!

В Лондоне же она впервые вышла на сцену в партии Китти в «Дон Кихоте» (москвичи ее не видели). И это случилось именно в день ее двадцатилетия. После спектакля у выхода новоявленную звезду ждала большая толпа, трогательно исполнившая для Светы «Хэппи бездей». И «Давид Грей» решительно назвала ее «балерной мечтой». Вот это подарок к юбилею!

Месть диктатора

Одним из самых громких скандалов жаркого лета в артистическом мире стало заявление балетмейстера Юрия Григорьевича накануне

не спектакля Большого в Лондоне о вылате ему соответствующей мзды за спектакли «Спартак» (это его авторская постановка 1968 года), «Раймонда» и «Баядерка» (оба — в его редакции).

Юрист Григорьевич выступил в «Санди Таймс» с угрозой запрета призывов в Лондон балетом. Все были настолько удивлены, что решили: вероятно, вкаралась ошибка в переводах с русского на английский и обратно. Дело раздули — пошли слухи о сырых гастроях. Из британской прессы огонь полыхнул в нашу: Григорьевич — фигура все еще заметная.

Чем дело закончилось? Пока никто не знает: ушел на юриспруденцию, но никакого судебного дела пока не ведется. Продавец гастрелей Виктор Холаузер считает, что вообще не следует обсуждать такие вопросы в прессе. Спектакли Григорьевича являются собственностью Большого театра, и как автор он с каждого получает отчисления. Собственно, то были не к театру, а к фирме-организатору гастрелей, куда и обратился его адвокат.

Холаузер заявил: «Если юристы придут к выводу, что мы что-то должны Григорьевичу, — мы заплатим».

Несподзято: только, почему Юрий Николаевич выдвинул свои претензии ровесничко накануне гастрелей, а не в январе, когда девять Большого уже побывал в Лондоне и о летних гастрелях было широко объявлено. Неужели корысть одолела, наконец, небесного, известного до нас мир балетмейстера? Или это просто месть бывшего директора Большого театра востановил когда-то против него артистам и лично вышедшему артистическому директору Владимиру Васильеву?

С другой планеты, из другой эпохи

Как для нас не странно, билеты на оперу в Лондоне дороже, чем на балет. Если на балеты они стоили 15 — 70 фунтов стерлингов, то на оперные спектакли — от 24 до 100 фунтов!

«Борис Годунов» прошел трижды: «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева — дважды за один день, утром и вечером.

К «Борису Годунову», «редивши» эры советского музыкального театра 50-летней давности, критика отнеслась с пристрастием. Оперистка «операционную» версию Римского-Корсакова: «Эта такая же шокирующая народная на оригинал (подлинная версия Мусоргского. — К. Т.), как и «Король Лир» со счастливой конюбой». «Этот образец оперной археологии» — «видимо, «Борис Годунов» уже в 1948 году должен был понравиться архисервационному Сталину». Одни критики сразу похвалили великолепные костюмы и декорации — «плодотворный антураж какой-нибудь западный режиссер может осмелит-

ся создать лишь в безумных верхах «Козынь Нибелунгов» или «Боцман». Другим возразили: «Я не удивилась, узнав, что морщинистые расписные задники созданы в 1948 году. Кулисы выглядели просто смешотворно, к тому же суфлер орал слишком громко, перемены декораций длились вечность, а за кулисами все время что-то жалобно рычалось». Или: «Расписные задники и следующие за героями прожектора могут вызвать насмешку...»

Что касается певцов, то в центре оказалась, конечно же, Владимир Маторин. Один критик — в разочаровании: «Над ним довели великие образцы прошлого». Другой признался: «Нам само собой не нравится думать, что славянские голоса кажутся и измеще вибрируют. Но трудно припомнить кого-либо заднее линии Одер-Нейсе, что смог бы так исполнить партию Бориса, как Маторин с его величественным легато и прерывающимся звуком». А «Таймс» даже назвала его голос «трехмерным».

Отмечали и колоритный Леонид Бомштейн (Юродивый), и легкий, звонкий, свободный «сказочный» голос Виталия Тарашенко (Григорий), подлинный «класс» Александра Киселева (Пимел), Владимир Кудряшов, чей Шуйский «казался еще страшнее в своей общности».

Евгение Образцов отводилась отдельные пассажи. «Таймс», чуть подождав певцу, выходящую на сцену Большого вот уже 35 лет, признала: «Если даже се выбрали для исполнения партии Марини Миниш по старинному, пусть так оно и будет: она напоминает нам, что такое Grand Maîtrise. Впрочем, это относится и ко всему спектаклю...» А «Дейли Телеграф» пишет, что «Образцова продемонстрировала неотразимо чувственный грудающий режиссу».

Дирижер Марк Эрмлер (он проле в Лондоне все пять спектаклей), по мнению критики, «создавал музыку, чуждую общности наблюдательных зрителей в ресторане и желания услышать на последний позв». Эрмлер, которого Москва считает слишком сухим и осторожным, показав англичанам мастерство «на уровне эксперта», «с огнем (! — К. Т.) и огромной изобретательностью». Остается надеяться, что опытный дирижер и перед нами представит когда-нибудь именно такую музыку, а не в роли оторванного от действительности в ишизм Большом.

В целом же в «Борисе» отмечалось «отсутствие откровенно комических и надуманных моментов». «Может, Шалкипин специально прибрел эти эффекты для западной публики?» — вопрошали знатоки истории оперы. «Борис Годунов» назвали «божественным, с другой планеты и из другой эпохи».

Но если название знаменитой оперы Мусоргского все-таки что-

то говорило лондонцам, то «Любовь к трем апельсинам» оказалась для них истинной террой никовиты. Все спрашивали друг друга — о чем это?

И снова в веселой сказке блистал Маторин, поразив преобразованием в артиста комического. Писали и про Юрия Васильева, и про Сергея Гайдуса. Артисты особенно волновались. Во-первых, было много трудностей из-за монтирования хитрых металлических конструкций для «Адамышинов». Во-вторых, присутствовал вник композитора — Габриэля Локкоффа. Он послал Владимиру Васильеву трогательную записку: «Потрационная постановка! Такая смешная, остроумная. Как я хотел бы, чтобы ее увидели все члены нашей семьи!»

Оперу Большого англичане слушали не дыша. А нам ведь совершенно не известно, что оперная труппа была в Лондоне впервые! И легендарные голоса Большого, если не считать предвиденных высклок «вишню» и «ужиде им порой постановки за рубежом, в значительной степени оставались для лондонцев мифическими. «Как коротко лондонский сезон Большого!» — в конце концов вздохнула пресса. — Как жаль, что они уже уезжают!» А один критик даже призвал в отчаянии: «Борте кассу в осаду, чтобы повянуть хотя бы на последний спектакль!»

Москвичей не обидят

Обычный, режиссированный сбор труппы в Москву состоится 26 августа. 1 сентября по традиции пойдет «Иван Суевин». Весь октябрь-ноябрь балетная труппа будет гастролировать в Японии, Гонконге, Сеуле с «Жизелью», «Дон Кихотом» и большой программой, условно названной «Слава Большого». В нее войдут лучшие фрагменты из лучших спектаклей. В декабре в Германию уедет Васильевское «Лебединое озеро». Следующим летом будет двухмесячный балетный тур в США, затем на Кипр поедут «Аиду», а в ноябре балет отправится в Китай. Театр ждёт крупные музыкальные фестивали в Италии, Греции, Франции.

А нам что? Нам покажут несколько премьер. Первая из них намечена на 15 декабря. Это «Псковитинка» Римского-Корсакова — места Евгения Светланова.

К февралю Борис Эйфман поставит балет «Лавр» на музыку Бетховена и Малера; фигура страдальца-инициатора на этот раз представит в обличье «русского Гамлета».

В 20-х числах апреля состоится премьера балета «Два фараона» в постановке Пьера Лахотта (музыка Цезаря Пуни).

Кроме того, идут переговоры с Филом Баладином о постановке орскарной обложки созданных им балетов.

Кира ТОЛМАЧЕВА

14.8.94

14.8.94